

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-029-042

ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНЦИИ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ ЮВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КНР-США

Гайк Валерьевич ГРИГОРЬЯН¹

¹ ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

GrigoryanHV@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0000-2857-4581>

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей конкуренции между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки на энергетическом рынке стран Юго-Восточной Азии. В центре внимания рассмотрение специфики энергетических политик этих стран в регионе, реализуемых через их стратегические инициативы («Один Пояс, Один путь» и «Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная структура»), а также их влияние на энергетическую безопасность, устойчивое развитие и технологическую модернизацию государств региона. В статье выявляются различия в подходах КНР и США к развитию энергетического сектора стран ЮВА. Исследуются риски и выгоды для стран ЮВА конкуренции США и Китая на их энергетических рынках.

Ключевые слова: энергетическая политика, ЮВА, Китай, США, геоэкономика, энергетическая безопасность, международная конкуренция, АСЕАН, ИТР

Для цитирования: Григорьян Г.В. Особенности конкуренции на энергетическом рынке ЮВА в контексте противостояния КНР-США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 2, № 2 (67). С. 29–42. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-029-042

Original article. Political science

SPECIFIC FEATURES OF COMPETITION IN THE SOUTHEAST ASIAN ENERGY MARKETS IN THE CONTEXT OF THE CHINA-USA CONFRONTATION

Hayk V. GRIGORYAN¹

¹ IMEMO RAS, Russia, Moscow,

GrigoryanHV@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0000-2857-4581>

Abstract: The article analyzes the specific features of the competition between the People's Republic of China and the United States of America in the energy markets of Southeast Asian countries. The focus is on the distinctive characteristics of their energy policies in the region, implemented through strategic initiatives such as the Belt and Road Initia-

tive and the Indo-Pacific Economic Framework. The article examines the impact of these strategies on energy security, sustainable development, and technological modernization in the region. It identifies the key differences between China's and the United States' approaches to developing the energy sector in Southeast Asia and explores the risks and benefits that this strategic rivalry poses for the countries of the region.

Keywords: *energy policy, Southeast Asia, China, USA, geo-economics, energy security, international competition, ASEAN, IPEF*

For citation: Grigoryan H.V. Specific Features of Competition in the Southeast Asian Energy Markets in the Context of the China-USA Confrontation. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 2, № 2 (67). Pp. 29–42. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-029-042

За последние два десятилетия энергетический рынок Юго-Восточной Азии (ЮВА) превратился в стратегическое поле конкуренции между ведущими глобальными державами, прежде всего – КНР и США. Особенность региона заключается в его стремительном экономическом росте, сопровождаемом устойчивым увеличением спроса на энергоресурсы. Согласно данным Международного энергетического агентства (IEA), к 2040 г. общее энергопотребление стран АСЕАН вырастет более чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г. Это делает Юго-Восточную Азию не только быстроразвивающимся рынком, но и ареной для борьбы за влияние, ресурсы и правила игры в рамках энергетического перехода^а.

Нарастающая конкуренция между США и КНР в регионе отражает более широкий процесс перестройки глобального баланса сил. Энергетический сектор в этом контексте играет двойную роль: с одной стороны, он обеспечивает экономические выгоды для принимающих государств — в форме инвестиций, создания рабочих мест и модернизации инфраструктуры, с другой — становится инструментом

^а Комплексный процесс структурных изменений в энергетической системе, направленный на переход от доминирования ископаемых видов топлива (уголь, нефть, природный газ) к низкоуглеродным и возобновляемым источникам энергии (солнечная, ветровая, гидро-, геотермальная энергия, биомасса). Этот процесс включает трансформацию производственно-технологической базы, изменение моделей потребления энергии, развитие инфраструктуры, инновационных технологий и институциональных механизмов, а также пересмотр политических и экономических приоритетов в контексте устойчивого развития и климатической повестки.

геополитического влияния стран-доноров, формируя устойчивые политико-экономические связи и зависимости от технологий и ресурсов. Участие в энергетических проектах позволяет странам демонстрировать технологическое превосходство, формировать позитивный имидж, а также продвигать собственные политические и идеологические ценности. Поэтому борьба за доступ к подобным проектам, особенно в сфере инфраструктуры и инновационных технологий, выходит за рамки рыночной логики и приобретает стратегическое измерение¹.

Конкуренция между ведущими государственными и частными акторами проявляется в стремлении к доминированию как в традиционных, так и в новых сегментах энергетического сектора. США и Китай продвигают собственные инициативы: КНР — через устойчивые проекты в рамках инициативы «Один пояс, Один путь» (*Belt and Road Initiative, BRI*), США — посредством Индо-Тихоокеанской экономической рамочной структуры (*Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF*)². Борьба за доступ к энергоресурсам и реализации масштабных долгосрочных инфраструктурных проектов обостряет конкуренцию между национальными и иностранными компаниями. Однако при этом стратегические перспективы стран Юго-Восточной Азии остаются неопределёнными: несовпадающие интересы США и Китая могут ограничить экономическую выгоду для региона, если страны ЮВА не смогут сохранить нейтральный статус и выступить в качестве «геополитически беспристрастного» инвестиционного партнера.

В этих условиях конкуренция приобретает отчётливо выраженное геополитическое и геоэкономическое измерение. Китай реализует значительные инвестиции в инфраструктуру и разработку энергетических ресурсов в рамках инициативы «Один пояс, Один путь», что усиливает его позиции на региональных энергетических рынках. США, в свою очередь, стремятся укрепить присутствие через поддержку программ в области возобновляемой энергетики (ВИЭ), развития зеленых технологий, такие как улавливание, утилизация и хранение углерода (*carbon capture, use and storage – CCUS*) и разработку стратегий энергетической безопасности в сотрудничестве с профильными министерствами стран региона³.

Стратегия Китая: закрепление влияния через крупные инфраструктурные проекты

Китай рассматривает Юго-Восточную Азию как ключевое направление своей внешнеэкономической экспансии. В рамках инициативы «Один пояс, Один путь», запущенной в 2013 г., страны ЮВА стали приоритетными реципиентами китайских инвестиций в энергетику, транспортную инфраструктуру и промышленное производство. Энергетика играет особую роль: через финансирование, строительство и эксплуатацию энергетических объектов. Китай не только расширяет присутствие через свои корпорации, но и закрепляет политическое влияние в регионе на десятилетия вперед.

Государственные и квазигосударственные компании — такие как *State Power Investment Corporation*, *China Energy Engineering Corporation*, *China Huadian* и *China Datang* — выступают основными подрядчиками в проектах по строительству угольных ТЭС, ГЭС и линий электропередач (ЛЭП). Многие из этих проектов реализуются на условиях долгосрочных кредитов, предоставляемых китайскими банками, включая Экспортно-импортный банк Китая (*China Exim Bank / The Export-Import Bank of China*) и Китайский банк развития (*China Development Bank*). Такая схема нередко сопряжена с механизмами «построить–владеть–эксплуатировать» (*Build — Own — Operate*), когда контроль над объектами переходит к китайским операторам.

Особый интерес для Китая представляют страны, наименее интегрированные в глобальные цепочки поставок и обладающие скромным инвестиционным потенциалом — Лаос, Камбоджа, Мьянма. Именно здесь проекты реализуются с наименьшим уровнем конкуренции и наибольшей степенью вовлеченности китайских государственных и квазигосударственных компаний. Китайские операторы строят гидроэлектростанции, экспортируют произведенную электроэнергию обратно в КНР или в соседние страны, а также прокладывают трансграничные линии электропередач.

Значительные инвестиции направлены на развитие гидроэнергетики в Лаосе и Камбодже через компании *Sinohydro* и *China Three Gorges Corporation*. Так, строительство каскада ГЭС *Nam Ou* в Лаосе, профинансированное на сумму 2,8 млрд долл., реализуется по схеме долгосрочной концессии. Это позволяет Китаю не только получать доход от производства электроэнергии, но и закреплять политическое влияние в регионе⁴. В случае с Лаосом можно говорить о практически полной энергетической зависимости от КНР: в 2023 г. китайские ин-

весторы контролировали более 70% энергетической генерации страны⁵.

Однако подобная модель сопряжена с рисками для стран ЮВА. Страны-партнеры часто оказываются в положении должников, теряют контроль над стратегическими секторами и подвергаются критике со стороны как внутренних оппозиционных сил, так и международных институтов. Примером может служить ситуация в Мьянме, где проект гидроэлектростанции *Myitsone* на реке Иравади, реализуемый китайской компанией (*Upstream Ayeyawady Confluence Basin Hydropower Company* — совместное предприятие, главным акционером которого является *China Power Investment Corporation (CPI)*), вызвал массовые протесты и был заморожен по итогам давления общественности⁶.

Аналогичные случаи наблюдались в Лаосе и Камбодже, где китайские инфраструктурные проекты подвергались критике за непрозрачность условий участия, экологические риски и слабую включенность местных подрядчиков. Несмотря на подобные эпизоды, китайская энергетическая экспансия продолжается, часто принимая формы гибридного влияния: инвестиции сопровождаются дипломатическим, культурным и технологическим сотрудничеством, включая обучение специалистов, передачу технологий и кадровый обмен⁷.

Важным элементом энергетической стратегии КНР в ЮВА является интерес в отношении развития проектов традиционных источников энергии, прежде всего — угля и гидроэнергии. Это делает проекты быстро реализуемыми, дешевле по капитальным затратам и менее зависимыми от внешнего регулирования. Однако в условиях нарастающего внимания к вопросам устойчивого развития и климатической повестки такая модель начинает сталкиваться с критикой и ограничениями, включая возможные санкции и потерю репутационных очков.

Укрепление позиций Китая в энергетическом секторе ЮВА через инициативу «Один пояс, Один путь», по-видимому, будет продолжаться, поскольку потребность региона в инфраструктурном развитии сохраняется. Вместе с тем, успешная реализация проектов требует гибкости со стороны Китая, учета интересов стран-партнеров и демонстрации намерений, ориентированных на развитие, а не на экспансию.

Расширение гидроэнергетических проектов позволяет одновременно достигать целого комплекса задач как для Китая, так и для стран региона. Во-первых, инвестиции в гидроэнергетику стран, расположенных в бассейне реки Меконг, обеспечивают КНР доступ к

управлению водными ресурсами, что дает косвенные рычаги влияния на страны, расположенные ниже по течению — прежде всего Лаос и Камбоджу, зависимые от стабильного водоснабжения. Во-вторых, в условиях глобального перехода к низкоуглеродному развитию и усиливающейся критики за поддержку проектов угольной генерации, Китай получает возможность позиционировать себя как участника «зеленой» повестки. ГЭС Сайябури в Таиланде и Дон Сахон в Лаосе, профинансированные китайскими банками и построенные китайскими компаниями, служат примером таких экологически ориентированных проектов. Кроме того, строительство гидроэнергетических объектов сопровождается созданием транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры, что усиливает интеграцию стран ЮВА с китайской экономикой.

Вместе с тем Китай продолжает инвестировать в угольную энергетику, особенно в Индонезии и Вьетнаме, посредством участия компаний *China Huadian Corporation* и *China Energy Engineering Group*. Эти проекты финансируются китайскими государственными банками на льготных условиях. Ярким примером является проект *Java 7* в Индонезии стоимостью 1,9 млрд долл., реализуемый при участии Китайского банка развития⁸. Несмотря на публичное заявление председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре 2021 г. на ГА ООН о прекращении финансирования угольных проектов за рубежом, реализация ранее одобренных проектов продолжается, вызывая обеспокоенность международного сообщества⁹.

Участие в проектах угольных электростанций остается для Китая важным инструментом внешнеэкономической стратегии. С одной стороны, она обеспечивает стабильный источник энергии, способствующий промышленному развитию стран ЮВА. С другой — позволяет КНР продвигать на внешние рынки избыточные производственные мощности, технологии и оборудование, а также использовать накопленный опыт в строительстве и эксплуатации угольных ТЭС. Часто реализация таких проектов сопровождается предоставлением китайскими банками льготных кредитов, что формирует долговую зависимость у стран-партнеров.

На фоне переориентации мировой энергетики на низкоуглеродное развитие и сокращение зависимости от ископаемого топлива Китай активно развивает и экспортирует технологии в сфере ВИЭ. Особое внимание уделяется солнечной энергетике, производству электромобилей и аккумуляторов. Китайские компании перемещают цепочки поставок в страны региона (Камбоджу, Малайзию, Таиланд,

Вьетнам) для обхода американских тарифов. В 2023 г. свыше 75% солнечных панелей, импортированных в США, поступили из этих стран, в том числе благодаря китайским инвестициям¹⁰. Масштабное производство солнечных панелей в Китае привело к снижению стоимости солнечной энергии почти на 90% за последние десять лет, что способствовало ее распространению, включая рынки ЮВА.

Участие Китая в развитии энергетики стран региона имеет двойственный характер. С одной стороны, китайские инвестиции закрывают инфраструктурные пробелы, способствуют зеленому переходу, повышают энергетическую доступность и вовлекают страны региона в глобальные производственные цепочки. С другой стороны, такие проекты часто сопровождаются долговой нагрузкой, ограничением суверенитета в стратегических секторах и усилением зависимости от КНР. В долгосрочной перспективе выигрыш стран ЮВА от китайского участия во многом будет зависеть от способности правительств выстраивать сбалансированную политику, минимизировать риски зависимости и выбирать те формы сотрудничества, которые соответствуют их собственным целям устойчивого развития.

Энергетическая политика США в ЮВА

США рассматривают государства Юго-Восточной Азии как ключевых партнеров в продвижении и защите собственных интересов на фоне усиливающегося экономического и политического влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. В региональной стратегии США, опубликованной в 2022 г., Филиппины и Таиланд упоминаются в качестве союзников, в то время как Индонезия, Малайзия, Сингапур и Вьетнам обозначены как приоритетные региональные партнёры, с которыми Вашингтон стремится к углублению двустороннего взаимодействия¹¹.

Во Вьетнаме, например, при поддержке американских экспертов в последние годы был разработан и реализован *Power Development Plan VIII (PDP8)* — стратегический документ, ориентированный на декарбонизацию энергетики, развитие солнечной и ветровой генерации, а также создание либерализованного рынка электроэнергии. США, в том числе через частные компании, такие как *General Electric*, *Chevron*, *AES Corporation*, активно участвуют во Вьетнаме в проектах по строительству СПГ-терминалов, модернизации сетевой инфраструктуры и внедрению цифровых решений¹².

Следует отметить, что американский подход опирается преимущественно на частный капитал, поддерживаемый государствен-

ными гарантиями — финансовыми обязательствами со стороны правительства США (например, через Агентство США по международному развитию (*USAID*), Корпорацию зарубежных частных инвестиций (*OPIC*) или Международную финансовую корпорацию США по развитию (*DFC*)), которые снижают риски для инвесторов при реализации проектов в развивающихся странах. Китай, напротив, использует прямые государственные инвестиции и централизованный контроль за реализацией проектов через государственные и квазигосударственные корпорации. Такая разница в подходах накладывает определённые ограничения на США и их частных партнеров: масштабирование инициатив требует прохождения сложных согласовательных процедур, предварительного анализа рентабельности, а также может быть обусловлено необходимостью проведения реформ в странах-партнерах — например, в части дерегуляции энергетических рынков, повышения прозрачности и устойчивого планирования.

Исходя из описанных выше особенностей американской модели финансирования и сопровождения энергетических проектов, можно выделить два ключевых направления ее влияния на страны Юго-Восточной Азии.

Во-первых, инвестируя в энергетический сектор, правительство и американские корпорации содействуют технологической интеграции стран региона с США, что позволяет укреплять экономические связи и обеспечивать доступ к перспективным рынкам. Во-вторых, Вашингтон активно продвигает собственную модель энергетической безопасности, предполагающую отказ от углеродной энергетики и диверсификацию энергетических ресурсов на базе высокотехнологичных решений американского производства. В данном контексте инвестиции в возобновляемые источники энергии (в частности, солнечную и ветряную) и «зеленые технологии» отвечают как американским экономическим интересам, так и глобальной климатической повестке, ориентированной на сокращение выбросов парниковых газов.

Наконец, инвестиции в энергетику являются частью более широкой региональной стратегии США, направленной на поддержание стабильности и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Энергетические проекты служат средством для укрепления экономических и политических связей со странами ЮВА, что помогает Вашингтону формировать коалиции и укреплять сотрудничество в различных сферах, включая торговлю, безопасность и борьбу с изменением климата.

С возвращением Дональда Трампа на пост президента США в январе 2025 г. страны Юго-Восточной Азии начали с большей осто-

рожностью оценивать потенциальные последствия своего участия в совместных энергетических инициативах. Второй президентский срок Трампа может ознаменоваться существенными изменениями во внешнеполитическом курсе Вашингтона, особенно в части глобального лидерства в области чистой энергетики. На фоне сохраняющейся потребности региона в масштабных инвестициях в сферу чистой энергии наблюдается нарастающее противоречие между потенциальным ослаблением — скорее всего, намеренным — американских позиций и усилением роли Китая как основного поставщика инфраструктурного капитала, технологий и долгосрочного политико-экономического влияния в энергетическом секторе региона.

Исторически США демонстрировали непоследовательность в вопросах климатического лидерства, что затрудняет их восприятие как надежного и долгосрочного партнера в энергетической сфере¹³. В 2025 г. администрация Трампа вывела страну из Парижского климатического соглашения, мотивируя это защитой национальной экономики от «несправедливых» климатических обязательств. Одновременно США прекратили участие в международной инициативе *Just Energy Transition Partnership (JETP)*, направленной на поддержку перехода развивающихся стран от угля к «зеленой» энергетике (в том числе в Индонезии и Вьетнаме)¹⁴.

Индонезия и Вьетнам являются ключевыми бенефициарами механизма *JETP*. В ноябре 2022 г. Индонезия заключила соглашение на сумму 20 млрд долл. из которых половина представлена в виде частных инвестиций, а в декабре того же года Вьетнам — на сумму 15,5 млрд долл., включающую кредиты, гранты и инвестиционные обязательства¹⁵.

Несмотря на амбициозные цели, реализация соглашений сталкивается с рядом институциональных и финансовых барьеров. Согласно оценкам, Индонезия нуждается в инвестициях порядка 67,4 млрд долл. для реализации 400 приоритетных проектов в сфере устойчивой энергетики, в то время как *JETP* покрывает лишь около 30% этой потребности¹⁶. Вьетнам, по данным исследовательских организаций, должен мобилизовать около 135 млрд долл. к 2030 г. на реформу энергетического сектора. При этом финансирование *JETP* составляет не более 11 % от этой суммы¹⁷.

Перестроив свой энергетический сектор от ориентации на ископаемое топливо к лидерству в сфере чистых технологий, включая солнечную энергетику, электромобили и аккумуляторные системы, Китай

получает заметные преимущества в борьбе за энергетическое будущее ЮВА.

На фоне огромного, но во многом недоиспользованного потенциала солнечной и ветровой энергетики в странах ЮВА, технологии, предлагаемые Китаем, становятся особенно актуальными. В условиях, когда администрация Трампа, по всей видимости, намерена сократить участие в международных инициативах в сфере чистой энергетики, роль КНР в обеспечении потребностей региона в новых технологиях будет только возрастать.

Ранее США предпринимали попытки снизить зависимость от Китая в минеральной сфере, иницируя, в частности, Партнерство по обеспечению безопасности поставок минеральных ресурсов (*Minerals Security Partnership*), направленного на диверсификацию цепочек поставок критически важных полезных ископаемых, включая сотрудничество с ключевыми странами ЮВА (Индонезия и Филиппины), обладающими значительными запасами никеля и кобальта. Однако при администрации Трампа приоритет, скорее всего, сместится в сторону стимулирования внутренней добычи, что может снизить вовлеченность США в развитие минерально-сырьевого сектора ЮВА¹⁸.

Кроме того, ужесточение протекционистских мер, включая введение ограничений на импорт экологически чистых технологий (например, солнечных панелей и аккумуляторов), произведенных с использованием китайских компонентов, создает риски для стран ЮВА, экспортирующих аналогичную продукцию с участием китайского капитала. Компании ЮВА, интегрированные в китайские производственные цепочки (в частности, в секторах редкоземельных металлов и ВИЭ), могут столкнуться с дополнительными регуляторными барьерами при выходе на американский рынок.

Будущее энергетического взаимодействия США со странами Юго-Восточной Азии, по-видимому, будет сосредоточено на новых технологиях, таких как малые модульные ядерные реакторы и технологии улавливания углерода. Эти направления могут получить политическую и финансовую поддержку в условиях нового президентского срока Трампа, поскольку ряд представителей новой администрации выступают за развитие именно этих технологических направлений, как альтернативы широкомасштабным проектам в сфере возобновляемой энергетики.

Показательным примером служит углубляющееся американо-филиппинское сотрудничество в сфере мирного атома. В мае 2024 г., США и Филиппины подписали ряд соглашений, включая подготовку

кадров для эксплуатации ядерных объектов, создание стипендиальных и обменных программ, а также передачу технологий. Одновременно в Маниле было объявлено о создании Регионального центра гражданской ядерной кооперации, который должен стать платформой для взаимодействия между американскими и региональными энергетическими компаниями, а также отправной точкой для распространения американских технологий в странах ЮВА. Кроме того, крупнейшая филиппинская энергокомпания *MERALCO* объявила о партнерстве с американской фирмой *Ultra Safe Nuclear* для проведения технико-экономического обоснования строительства микромодульных ядерных реакторов. Первый реактор мощностью от 5 до 15 МВт планируется ввести в эксплуатацию в течение четырех лет, в первую очередь для электрификации труднодоступных территорий¹⁹.

Роль энергетической конкуренции в трансформации внутренней энергетической политики государств региона

В условиях притока инвестиций и технологических решений от разных конкурирующих центров силы страны ЮВА вынуждены модернизировать системы регулирования, усиливать прозрачность закупок, формировать национальные стратегии устойчивого развития.

Под влиянием международных партнеров (Агентство США по международному развитию (*USAID*), Азиатский банк развития (*ADB*), Японское агентство международного сотрудничества (*JICA*)) Вьетнам принял меры по дерегулированию энергетического сектора, позволив независимым производителям электроэнергии заключать прямые контракты с потребителями (модель *Direct Power Purchase Agreement, DPPA*)²⁰. В Индонезии была запущена программа *Energy Transition Mechanism*, предусматривающая поэтапный отказ от угольной генерации при участии многосторонних партнеров (включая *ADB*, США и Японию)²¹.

Вместе с тем, энергетическая конкуренция не всегда способствует демократизации и совершенствованию методов управления. В странах с ограниченной прозрачностью и высоким уровнем коррупции усиление активности внешних акторов — как со стороны Китая, так и со стороны США — может способствовать укоренению практик «элитных соглашений», при которых распределение крупных энергетических контрактов осуществляется в интересах узкого круга местных политико-экономических групп.

Модель Китая, ориентированная на двусторонние договорённости, минимальные требования к институциональным реформам и ограниченную публичную отчетность, часто рассматривается как особенно привлекательная для государств с авторитарными тенденциями. В то же время, американский подход также не гарантирует полной прозрачности: несмотря на формальные процедуры, часть проектов осуществляется с опорой на крупные транснациональные корпорации и без достаточного вовлечения институтов гражданского общества²².

Китай занимает лидирующие позиции по объёму инвестиций в энергетический сектор ЮВА (порядка 40 млрд долл). Согласно данным *Global Development Policy Center* при Бостонском университете, с 2000 по 2022 г. китайские компании инвестировали более чем в 1 400 энергетических объектов за рубежом, из которых 31% (52,6 ГВт установленной мощности) приходилось на ЮВА. Эти инвестиции охватывают широкий спектр проектов, включая угольные и гидроэлектростанции, а также инфраструктуру передачи электроэнергии²³. В отличие от Китая, США сосредотачиваются на поддержке проектов в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Программа *USAID Clean Power Asia*, реализуемая с 2016 по 2021 г., мобилизовала более 7 млрд долл. инвестиций в ВИЭ, что способствовало созданию почти 10 тыс. МВт установленной мощности в регионе²⁴.

При этом китайская стратегия характеризуется акцентом на строительство крупных энергетических объектов с использованием традиционных технологий, таких как угольные и гидроэлектростанции. Эти проекты часто реализуются по схемам «построить–владеть–эксплуатировать», что обеспечивает долгосрочный контроль над объектами. В свою очередь США, напротив, делают ставку на развитие «зеленых» технологий и институциональные реформы. Программы, такие как *Asia EDGE* и *Southeast Asia Smart Power Program*, направлены на модернизацию энергетических систем, внедрение цифровых решений и поддержку частных инвестиций в ВИЭ.

Китайская модель инвестиций обеспечивает быстрое развертывание проектов, но может приводить к долговой зависимости стран-партнеров и снижению прозрачности управления. Американский подход, основанный на частных инвестициях и институциональной поддержке, требует более длительных процедур согласования и может сталкиваться с внутренними политическими барьерами в странах-партнерах. Тем не менее, он способствует укреплению прозрачности и устойчивости энергетических систем.

Примечательно, что энергетическая кооперация с внешними партнёрами всё чаще реализуется в формате «АСЕАН+1» или «АСЕАН+3», где обсуждение вопросов энергетики интегрировано в повестку более широкой экономической кооперации²⁵. Это позволяет странам региона избегать жесткой привязки к одной из сторон, выстраивая диверсифицированные и прагматичные отношения.

Энергетическая конкуренция между США и КНР в Юго-Восточной Азии оказывает определенное влияние на формирование национальных энергетических политик, институтов и стратегий развития. Страны региона стремятся использовать это соперничество в собственных интересах, соблюдая баланс и продвигая собственные приоритеты в области устойчивой энергетики, климатических обязательств и экономического роста.

В ближайшие десятилетия конкуренция в энергетическом секторе будет оставаться одним из ключевых направлений глобальной борьбы за влияние в Индо-Тихоокеанском регионе, а Юго-Восточная Азия — её центральным полем противостояния.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ГРИГОРЬЯН Гайк Валерьевич, аспирант, Центр проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 20.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025;
принята к публикации 30.05.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hayk V. GRIGORYAN, PhD Student, Center for Development and Modernization Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), Moscow, Russia

The article was submitted 20.04.2025;
approved 30.04.2025;
accepted to publication 30.05.2025.

¹ Tan, Sin Lu. "Beyond US–China Rivalries: Southeast Asia's Diverse Green Partnerships." International Institute for Strategic Studies (IISS), 10 Oct. 2024, www.iiiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/10/beyond-uschina-rivalries-southeast-asias-diverse-green-partnerships/

² Adhiguna, Putra. "Southeast Asia's Energy Transition under a Trump Presidency." *Dialogue Earth, Reccessary*, 2025, www.reccessary.com/en/news/asean-regulation/southeast-asia-energy-transition-trump-presidency.

³ Parameswaran, Prashanth. "US–China Competition in Southeast Asia under the Second Trump Administration." *The Diplomat*, 27 Mar. 2025, thediplomat.com/2025/03/us-china-competition-in-southeast-asia-under-the-second-trump-administration/

⁴ Power Technology (n.d.), 'Nam Ou Hydropower Project in Laos', <https://www.power-technology.com/projects/nam-ou-hydropower-project-laos/>

⁵ The Diplomat (2019), 'China's Growing Role in Laos' Hydropower Sector', <https://thediplomat.com/2019/10/chinas-growing-role-in-laos-hydropower-sector/>

⁶ Kironska, K., and D. Jiang, 2023, "China-Myanmar Relations After the 1 February Military Coup", in Ware, A., and M. Skidmore, After the Coup: Myanmar's political and humanitarian

crisis, Canberra: ANU Press. <https://ceias.eu/chinas-stance-towards-myanmar-following-the-2021-military-coup/>

⁷ Richard Bernstein, "China's Mekong Plans Threaten Disaster for Countries Downstream," *Foreign Policy*, 27 September 2017, <https://foreignpolicy.com/2017/09/27/chinas-mekong-plans-threaten-disaster-for-countriesdownstream/>

⁸ Reuters (2019), 'China's Investment in Indonesian Coal Power Plants', <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-power-china-insight-idUSKCN1V50U2>

⁹ Xi, Jinping. "Bolstering Confidence and Jointly Overcoming Difficulties to Build a Better World." *Transcript of Speech at the General Debate of the 76th Session of the United Nations General Assembly*, 21 Sept. 2021.

¹⁰ South China Morning Post (2024), How Southeast Asia's Solar Industry Can Shine in the Face of US Tariff Threat, <https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3266255/how-southeast-asias-solar-industry-can-shine-face-us-tariff-threat>

¹¹ Рогожина Н.Г., Рогожин А.А. Юго-Восточная Азия и США: параметры взаимодействия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. т. 68, № 1. С. 105-118

¹² "GE Turbines Will Equip Vietnam's First LNG-Fueled Power Plant." *Power Magazine*, 2 June 2021, www.powermag.com/ge-turbines-will-equip-vietnams-first-lng-fueled-power-plant/.

¹³ Nikkei Asia (2024), U.S. and China Butt Heads Over Investment in Southeast Asia, <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/U.S.-and-China-butt-heads-over-investment-in-Southeast-Asia>

¹⁴ US Withdrawing From Plan to Help Major Polluters Move From Coal, Sources Say." *Reuters*, 5 Mar. 2025, <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/us-withdrawing-plan-help-major-polluters-move-coal-sources-2025-03-05/>

¹⁵ Martinus, Melinda. "Just Energy Transition Partnerships (JETPs) in Indonesia and Vietnam: Implications for Southeast Asia." ISEAS – Yusof Ishak Institute, 12 Mar. 2024, <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2024-40-just-energy-transition-partnerships-jetps-in-indonesia-and-vietnam-implications-for-southeast-asia-by-melinda-martinus/>

¹⁶ Factbox: Indonesia, Vietnam Energy Transition Financing under G7-Funded Plans." *Today Online*, 13 Dec. 2023, <https://www.todayonline.com/world/factbox-indonesia-vietnam-energy-transition-financing-under-g7-funded-plans-2295266>

¹⁷ "Rhetoric vs. Reality: JETP in ASEAN." Heinrich Böll Stiftung Southeast Asia, 24 July 2023, <https://th.boell.org/en/2023/07/24/rhetoric-reality-jetp-asean>

¹⁸ U.S. Department of State (2024), Minerals Security Partnership, <https://www.state.gov/minerals-security-partnership>

¹⁹ "US Establishes Manila Headquarters for Southeast Asia Civil Nuclear Expansion." *Recessary*, 27 June 2024, <https://www.recessary.com/en/news/ph-market/us-establishes-manila-headquarters-southeast-asia-civil-nuclear-expansion>. Accessed 30 Mar. 2025.

²⁰ "Vietnam Approves Direct Power Purchase Agreement Mechanism for Renewables Projects." *S&P Global*, 5 July 2024. URL: www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/lng/070524-vietnam-approves-direct-power-purchase-agreement-mechanism-for-renewables-projects.

²¹ "Indonesia Minister Says Others Won't Follow U.S. Exit from JETP Energy Transition Funding." *Reuters*, 24 March 2025, www.reuters.com/sustainability/climate-energy/indonesia-minister-says-others-wont-follow-us-exit-jetp-energy-transition-2025-03-24/

²² "U.S. Pulls Out of Flagship \$45bn Global Climate Finance Coalition" *Financial Times*, 9 March 2025, www.ft.com/content/e8b7f9cf-063b-45bc-a861-6d46047738d7

²³ Mui, Y., "Analysis: China remains key to success of Southeast Asia's energy transition." *Dialogue Earth*, <https://dialogue.earth/en/energy/analysis-china-remains-key-to-success-of-southeast-asias-energy-transition>

²⁴ Abt Associates. *Clean Power Asia Final Report 2016–2021*. USAID, Sept. 2021, <https://www.abtglobal.com/insights/publications/report/clean-power-asia-final-report-2016-2021>

²⁵ ASEAN. *ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2023–2027*. Aug. 2022, <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/08/APT-Cooperation-Work-Plan-2023-2027.pdf>